

EDN: RRLRKF
УДК 811.351.2'366.4

Principles and Models of Space Structuring by Locative Cases of Dagestanian Languages

Zulaikhat M. Mallaeva*^a and Sabina N. Khanbalaeva^b

*^aInstitute of Language, Literature and Art
named after G. Tsadasa Dagestan Federal Research Center RAS
Makhachkala, the Republic of Dagestan, Russian Federation*

*^bMoscow State Institute of International Relations (MGIMO University)
Moscow, Russian Federation*

Received 30.01.2024, received in revised form 02.03.2024, accepted 08.04.2024

Abstract. The Dagestanian languages reveal notable differences in terms of spatial structuring, not only between languages of different groups, but also within the same group. These differences are presented not only at the synchronic level, but also have a historical character, which makes the typological study of numerous spatial cases relevant. The typological study of nominative spatial systems is noticeably complicated by the problem caused by the absence of a unified terminology. Therefore, the aim of this article is to use a unified terminology to qualify locative cases and, using this terminology, to study the selectivity that the Dagestanian languages manifest in structuring space.

The main source of data was grammatical descriptions of the Dagestanian languages. Some of the material was received by the authors from native speakers by the method of elicitation. The main method is a synchronic description of the spatial cases, the methods of field linguistics (to collect the material), the method of intragenetic typology (for a detailed description of the specifics of spatial structuring).

The article uses a single terminological apparatus for all Dagestanian languages, allowing to make typological generalizations. The number of localizations ranges from eight to four. The most stable were the localizations: SUPER, SUB, INTER, IN, A(PU)D. The number of orientation cases is also decreasing. The forms of essives and latives coincide in a number of languages completely or in certain locatives. In all Dagestanian languages there is a tendency to displace latives and elatives with postpositional combinations.

The obtained results indicate that the systems of spatial cases of the Dagestanian languages are in the process of disintegration, which is represented to varying degrees in different languages.

Keywords: Dagestanian languages, locative cases, space structuring.

Research area: social structure, social institutions and processes. Russian language. Languages of the peoples of Russia. Theoretical, applied and comparative linguistics.

Citation: Mallaeva Z. M. and Khanbalaeva S. N. Principles and models of space structuring by locative cases of Dagestanian languages. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(5), 1005–1018. EDN: RRLRKF

Принципы и модели структурирования пространства локативными падежами дагестанских языков

З.М. Маллаева^а, С.Н. Ханбалаева^б

*^аИнститут языка, литературы и искусства
имени Г. Цадасы*

*Дагестанского федерального исследовательского центра РАН
Российская Федерация, Махачкала*

*^бМосковский государственный институт
международных отношений (МГИМО) МИД России
Российская Федерация, Москва*

Аннотация. Дагестанские языки обнаруживают заметные различия с точки зрения структурирования пространства не только между языками различных групп, но и внутри одной и той же группы. Эти различия представлены не только на синхронном уровне, но и носят исторический характер, что обуславливает **актуальность** типологического исследования пространственных падежей.

Типологическое исследование именных пространственных систем заметно усложняет проблема, вызванная отсутствием в дагестановедении единой терминологии для обозначения одних и тех же локализаций и ориентаций. Поэтому **цель** данной статьи – использовать единую терминологию для квалификации локативных падежей и, пользуясь этой терминологией, исследовать избирательность, которую проявляют дагестанские языки в структурировании пространства.

Материалом для настоящего исследования послужили формы локативных падежей дагестанских языков. Основным источником данных явились грамматические описания дагестанских языков. Часть материала получена авторами от носителей языков методом элицитации.

Основной **метод** – синхронное описание пространственных падежей, методы полевой лингвистики (для сбора материала), метод внутригенетической типологии (для детального описания специфики структурирования пространства).

В статье использован единый для всех дагестанских языков терминологический аппарат, позволяющий провести типологические обобщения. Вместо традиционно принятых в дагестановедении названий серий по порядковому номеру применяются названия по месту локализации. Количество локализаций колеблется от восьми (в агульском, андийском, табасаранском, гигатлинском диалекте чамалинского языка) до четырех (в цахурском и ботлихском языках). Наиболее устойчивыми оказались локализации: SUPER, SUB, INTER, IN, A(PU)D. Количество падежей ориентации также сокращается. Формы эссивов и лативов совпали в ряде языков полностью или у определенных локализаций. Во всех дагестанских языках наблюдается тенденция к вытеснению лативов и элативов послеложными сочетаниями.

Полученные **результаты** свидетельствуют о том, что системы пространственных падежей дагестанских языков находятся в процессе разрушения, который в различных языках представлен в разной степени.

Ключевые слова: дагестанские языки, локативные падежи, структурирование пространства.

Научная специальность: 5.4.4 – социальная структура, социальные институты и процессы. 5.9.5 – русский язык. Языки народов России. 5.9.8 – теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Цитирование: Маллаева З. М., Ханбалаева С. Н. Принципы и модели структурирования пространства локативными падежами дагестанских языков. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(5), 1005–1018. EDN: RRLRKF

1. Введение

В Дагестане, известном как «страна гор и гора языков», представлено более сорока автохтонных языков эргативного строя с более чем ста диалектами, носители которых подчас не понимают друг друга. Мнения лингвистов о точном количестве дагестанских языков различаются, поскольку критерии, разграничивающие язык от диалекта, носят довольно размытый характер. Все дагестанские языки по степени родства делятся на три группы: аваро-андо-цезскую, лакско-даргинскую и лезгинскую. Самая многочисленная группа – аваро-андо-цезская – состоит из аварского языка восьми андийских (андийский, каратинский, ахвахский, ботлихский, чамалинский, тиндинский, годоберинский, багвалинский) и пяти цезских (цезский, бежтинский, гинухский, гунзибский, хваршинский) языков.

В лезгинскую группу входят восемь языков: лезгинский, агульский, арчинский, будухский, крызский, рутульский, табасаранский, удинский и цахурский. Три языка лезгинской группы (будухский, крызский и удинский) представлены за пределами Дагестана, в соседнем Азербайджане.

Лакско-даргинскую группу выделяют не все исследователи, на наш взгляд, также это близкие по грамматическому строю, но самостоятельные группы языков. В последнее время многочисленные диалекты даргинского языка стали рассматриваться как самостоятельные языки даргинской группы, число которых колеблется от 13 до 17.

Большая часть дагестанских языков (более 25, по данным атласа языков ЮНЕСКО) находится под серьезной угро-

зой исчезновения. Особенно эта опасность грозит одноаульным бесписьменным языкам. Поэтому сбор и фиксация языкового материала и анализ специфики грамматических категорий, особенно в сравнительно-типологическом плане (внутригенетическая типология), крайне актуальны как для дагестанского, так и для общего языкознания.

Дагестанские языки обладают целым рядом специфических особенностей. В области фонетики – это наличие геминированных и абруптивных (смычно-гортанных) согласных; отсутствие корреляции по твердости-мягкости, наличие придыхательных смычно-взрывных глухих согласных; наличие назализованных и долгих гласных, отсутствие в некоторых языках гласного 'o'.

В области именной морфологии – это многочисленные локативные падежи, которые дифференцированно репрезентируют локализацию и ориентацию объекта в пространстве относительно ориентира. Каждый язык имеет свою специфическую модель структурирования пространства.

В области глагольной морфологии – это многочисленные аналитические видо-временные формы, дифференцированно локализирующие действие на временной оси.

Синтаксический строй дагестанских языков характеризуется наличием ряда синтаксических конструкций: номинативной, эргативной, дативной, локативной, генитивной, биноминативной, которые одновременно функционируют в языке. Подлежащее в различных конструкциях оформляется разными падежами.

Дагестанские языки обнаруживают некоторые различия с точки зрения структурирования пространства не только между языками различных групп, но и внутри одной и той же группы и даже между разными диалектами одного языка. Эти различия представлены не только на синхронном уровне, но и носят исторический характер.

2. Материал, методы, постановка проблемы

Анализируемый в статье материал исследования извлечен из грамматических описаний дагестанских языков, специальных научных статей по данной теме и часть материала получена авторами от носителей языков методом элицитации.

В статье использован комплекс методов, основным явился метод внутригенетической типологии, который позволил описать специфику структурирования пространства локативными падежами дагестанских языков.

Многопадежность неизменно привлекает интерес исследователей дагестанских языков, которые рассматривают функционирование большого количества падежей в качестве специфической особенности грамматического строя дагестанских языков, отличающих их от других кавказских языков. Е. А. Бокарев, внесший огромный вклад в изучение дагестанских языков, отмечал, что многопадежностью «дагестанские языки отличаются от яфетических языков южной или картвельской группы и яфетических языков северо-западной или абхазо-черкесской группы» (Бокарев, 1948: 56). Б. Комри и М. Полински также отмечают наличие в дагестанских языках наиболее развитой системы пространственных показателей (более 56 в дидойском языке и более 40 в табасаранском языке (Comri, Polinski, 1998).

При исследовании грамматических категорий глагола и имени дагестанских языков «фундаментально значимы дистанцирование от 'индоевропоцентризма' и 'взгляд изнутри', когда каждая его форма и категория семантически прочувствована и квалифицируется с точки зрения ее ре-

альной коммуникативно-функциональной нагрузки в системе языка. Экстраполяции на основе опыта изучения индоевропейских языков допустимы лишь в той мере, в какой исследуемое конкретное языковое явление обладает признаками лингвистической универсалии» (Маллаева, 2015: 3). Соблюдение данного принципа важно и при исследовании пространственных падежей. В научной литературе по дагестановедению имеется большое количество работ, исследующих различные аспекты структурирования пространства локативными падежами (Ханмагомедов, 1958; Магомедбекова, 1956, 1986, 1987; Кибрик, 1970, 1977, 2003; Тестелец, 1981, 2001; Темирбулатова, 1990; Мусаев, 1984; Алексеев, 1985, 1988; Маллаева, 1989; Friedman, 1992; Comrie, Polinsky, 1998; Berg H. van den, 2001, 2003; Ганенков, 2005; Ганенков, Мерданова, 2002 и др.). История изучения пространственных падежей дагестанских языков начинается с трудов П. К. Услара, в которых довольно подробно описаны формообразование и основные функции падежей аварского, лакского, хюркилинского (даргинского), кюринского (лезгинского) и табасаранского языков (Услар, 1889, 1890, 1892, 1896, 1979). Эти описания представляют большой интерес для исследователей дагестанских языков, но изложение материала по пространственным падежам носит хаотический характер, П. К. Услару не удалось раскрыть системный характер пространственных падежей. Заслуга систематизации локативных падежей дагестанских языков принадлежит Л. И. Жиркову, он разделил пространственные падежи аварского, даргинского, лезгинского, табасаранского и лакского языков на серии, в зависимости от выражаемой ими семантики локализации объекта на определенной плоскости, и пронумеровал их (Жирков, 1924, 1926, 1941, 1948, 1955). По этим серийным принципам были описаны локативы и всех остальных дагестанских языков. Деление пространственных падежей на серии, безусловно, внесло определенную упорядоченность, и многочисленные пространственные падежи в дагестанских языках получили строй-

ный и обозримый вид. Однако эта нумерация носит произвольный характер: одним и тем же номером серии в разных языках обозначаются разные локализации. Так, в первую серию в аваро-андо-цезских, даргинском и рутульском языках входят пространственные падежи, репрезентирующие локализацию SUPER «на, над ориентиром». В лакском и агульском языках эта же локализация входит во вторую серию. В табасаранском языке пространственные падежи, репрезентирующие локализацию SUPER, входят в третью, пятую и седьмую серии (в зависимости от различных ракурсов восприятия локализации).

На сегодняшний день в дагестановедении существует полный разнобой в делении падежей на серии, что значительно затрудняет их типологическое исследование. Сам термин 'серия' также представляется не совсем удачным. Невозможно не согласиться с аргументацией Я.Г. Тестельца, когда он отвергает данный термин как неприемлемый для характеристики структуры падежной парадигмы: «... во-первых, потому что он предполагает наличие одной грамматической категории «серия падежей» там, где по всем критериям, выработанным теорией грамматики, присутствуют две категории. Во-вторых, этот термин этимологически «пуст» и сам по себе не информативен, что для подобных «экзотических» явлений, да еще в языках с недолгой грамматической традицией представляется крайне нежелательным» (Тестелец, <http://otipl.philol.msu.ru/~kibrik/content/pdf/Testelets.pdf>).

Терминологический разнобой имеет место также в номинации пространственных падежей. Один и тот же падеж, выражающий локализацию (покой ~ отсутствие движения), в разных языках именуется различными терминами: локатив (агульский, аварский, андийские, лезгинский языки) и эссив (табасаранский, даргинский, лакский языки). Чаще употребляются описательные термины типа «падеж покоя», «падеж приближения», «падеж удаления», «проходительный падеж» и т.д. Несомненным шагом вперед является типологическая систематизация морфем и простран-

ственных значений локативных падежей дагестанских языков (Кибрик, 1970: 110–156), которая нашла дальнейшее развитие в (Кибрик, 1977; 2005: 201–204). Рассматривая типологию пространственных значений местных падежей дагестанских языков, А.Е. Кибрик устанавливает две категории служебных морфем и соответствующих (ориентирующих и двигательных) значений (Кибрик, 1970: 14). К сожалению, в дагестановедении как в учебниках, так и в научной литературе (за редким исключением) при описании пространственных падежей используется старая и противоречивая терминология.

Отсутствие единой терминологии заметно усложняет типологическое исследование пространственных систем дагестанских языков. Поэтому в данной статье вводится единая терминология для квалификации локативных падежей общая для всех дагестанских языков, основанная на системе ярлыков, использованных А.Е. Кибриком для описания арчинского языка (Кибрик, 1977) и Б. Комри и М. Полински для описания цезского языка (Comri, Polinski, 1998).

3. Результаты и дискуссия

Вместо традиционных для лингвистического дагестановедения названий серий по порядковому номеру в статье, используя латинскую терминологию, вводятся названия по месту локализации: SUPER, SUB, APUD, AD, IN, INTER, CONT, POST.

Локализация SUPER в большинстве дагестанских языков представлена двумя разновидностями: локализацией на горизонтальной и вертикальной поверхностях. Локализация на боковой поверхности предполагает наличие контакта. Для локализаций на горизонтальной поверхности ориентира семантика контакта нерелевантна. При необходимости передать семантику локализации объекта на ориентире без детального уточнения употребляется форма суперэссива. Суперэссив в лезгинском языке выражает семантику локализации на поверхности ориентира (без конкретизации), формант *-л*: *сев-ре-л* «на медведе», *стол-*

да-л «на столе», *майдан-да-л* «на площади», *дагъ-да-л* «на горе», *цла-л* «на стене», *кыле-л* «на голове». Кроме локализации SUPER в лезгинском языке М. Хаспельмат выделяет еще четыре локализации: AD, POST, SUB и IN, каждая из которых имеет по три пространственных падежа: эссив, элатив и директив (Haspelmath, 1993: 94).

В аварском литературном языке локализация SUPER не различает нахождение на горизонтальной и вертикальной поверхностях. Иначе обстоит дело в диалектах и говорах аварского языка. Так, в хунзахском и восточном диалектах северного наречия и в андалальском диалекте южного наречия стабильно различается семантика локализации на горизонтальной и вертикальной поверхностях.

Все языки андийской подгруппы различают локализации SUPER и CONT. Форманты суперэссива в говорах андийского языка различаются: в собственно андийском говоре суперэссив оформляется показателем *-кьIа*, а контэссив – показателем *-чIу* (Щерцвадзе, 1965: 340–341). В гагатлинском говоре андийского языка суперэссив оформляется показателем *-ла*, контэссив – показателем *-чIу* (Салимов, 2010: 105–106). В ахвахском языке суперэссив в северном диалекте оформляется формантом *-г*, в южноахвахском – формантом *-кьI*. В багвалинском языке суперэссив оформляется формантом *-ла*, контэссив – формантом *-чI*. (Магомедова, 2000: 136; Даниэль, 2001: 141). В ботлихском языке суперэссив имеет нулевой показатель, контэссив – показатель *-чI*. Локализация с показателем *-чI* является ущербной. Здесь отсутствует падеж аллатив (Азаев, 2000: 353). В годоберинском языке суперэссив оформляется формантом *-ла*: *майдана-ла* «на площади», *анзи-ла* «на снегу», контэссив – формантом *-чIу*: *ххвани-чIу* «на лошади», *йаши-чIу* «на девушке». В каратинском языке суперэссив оформляется показателями *-йа*, *-ā*: *кьи^н-йа* «на стене (горизонтальная локализация)», *гьа^нд-ā* «на холме», *байда^н-кьI- ā* «на площади», *кьIа^нкьI- ā* «на крыше»; контэссив – формантом – *ли*: *кьи^н-лI-и* «на стене (вертикальная локализация)»: *кьи^н-лIи тIа^нса* идя

«на стене есть (висит) ковер». В тиндинском языке локализация «на», «над» ориентиром представлена суперэссивом (показатель *-ла*: *устул-ла* «на стуле», *йергъвам-ла* «на одеяле», *кIату-ла* «на коне») и контэссивом (показатель *-чI*: *ваццу-чIи* «на брате», «у брата», *амаху-чIи* «на осле» (Магомедова, 2012: 78–79). Семантику локализации «на», «над» ориентиром в чамалинском языке реализует суперэссив с формантом *-лI*, семантику «на» (вертикальной плоскости) – контэссив с формантом *-чI* (Бокарев, 1949: 47): *байда^н-лIа^н* «на площади», *а^нзе-лIа^н* «на снегу», *аму-чI* «на крыше», *йагъу-чI* «на женщине», *къунна-чI* «на стене».

В дидойском (цезском) языке суперэссив оформляется морфемами *-кь* (у слов на гласный ауслат), *-кьо* (у слов на согласный ауслат): *гъ'утко-кь* «на доме», *кьим-кьо* «на крыше» и т.д. В дидойском языке, как и в большинстве других дагестанских языков, для суперэссива семантика контакта с ориентиром нерелевантна. Для конкретизации ситуации нахождения объекта над ориентиром (отсутствие контакта) употребляется сочетание суперэссива с послелогом *кьири* «наверху/над» (Абдуллаев, 2011: 86–88). В гинухском языке также для выражения семантики неконтактности с ориентиром употребляется послелог *къере* «наверху/над»: *белле-кьо* «на доме», *белле-кьо къере* «над домом» (Бокарев, 1959: 121). Такая же ситуация наблюдается в хваршинском и других языках дидойской (цезской) группы (Абдуллаев, 2011: 88–89).

В лакском и даргинском языках семантика локализации «на», «над» ориентиром, вне зависимости от того горизонтальная это или вертикальная поверхность, передается одним и тем же формантом, дарг. *-чиб*: *дубурли-чиб* «на горе», *бекIли-чиб* «на голове», *майдан-чиб* «на площади», *бяхIли-чиб* «на стене», *чIябарли-чиб* «на полу»; лак. *-й*: *зунтту-й* «на горе», *бакIра-й* «на голове», *чIира-й* «на стене» и т.д.

Локализация SUB (нахождение под ориентиром) представлена в системе пространственных падежей всех дагестанских языков, например: авар.: *гIазу-кь*, дарг. *дяхIили-уб*, лак. *марххалттани-лу*, лезг. *жи-*

веди-к, таб. *йифу-кк* «под снегом», *бакъу-кь*, дарг. *берхӀили-уб*, лак. *бургъи-лу*, лезг. *ракъ-ини-к*, таб. *ригъ-ди-кк* «под солнцем».

Во всех аvaro-андийских языках локализация SUB представлена формантом *-кь*, который восходит к наречию-последелюгу: авар. *гъоркъ*; анд. *гъикъу*; ахвах. *гекъи*; карат. *кекъи*, чам. *гъи^нкъа^н* «внизу», «под».

Субэссив в дагестанских языках проявляет тенденцию к выражению абстрактных значений. Для выражения пространственной семантики локализации под ориентиром предпочтительны последелюжные сочетания с последелюгами «под», «снизу». Так, в диалектах и говорах южного наречия аварского языка субэссив в чисто пространственном значении практически не встречается. Для выражения семантики пространственной локализации под ориентиром употребляются сочетания суперэссива с последелюгом *гъоркъ* (диал. *аххакъ*) «под», например: *гъотӀода гъоркъ (аххакъ)* «под деревом», *гӀазуда гъоркъ (аххакъ)* «под снегом». Все дагестанские языки в локализации SUB не различают семантику наличия ~ отсутствия контакта, и та и другая семантика реализуется одним и тем же формантом, например:

а) тесный контакт: авар. *ганчӀи-кь*, таб. *гъоанди-кк*, лак. *чари-лу* «под камнем»; лак. *кани-лу*, авар. *кверзу-кь*, «под рукой»; авар. *гӀазукъ*, лак. *марххалттани-лу* «под снегом», *тӀингъ-и-кь* «под шубой»; авар. *хӀатӀи-кь*, лак. *ччанна-лу* «под ногами»; авар. *цӀаду-кь*, лак. *гъара-лу* «под дождем»;

б) отсутствие контакта: авар. *гъотӀо-кь*, таб. *гъари-кк* «под деревом»; авар. *бакъу-кь*, лак. *бургъи-лу*, дарг. *берхӀили-уб*, хайд. *бери-гу* «под солнцем» и т.д.

В аварском языке формантом локализации IN (внутри полого пространства) служит переменный классно-числовой показатель: *рокъо-в*, *рокъо-й*, *рокъо-б*, *рокъо-р* «дома», букв. «в доме», например: *Вас рокъов вуго*. «Мальчик дома (есть)». *Йас рокъой йуго*. «Девочка дома (есть)». *Бече рокъоб буго*. «Теленок дома (есть)». *Эбел-эмен рокъор руго*. «Родители (букв. мать-отец) дома (есть)». «На классный показатель завершается инэссив также в даргинском языке

и в балхарском диалекте лакского языка. В остальных диалектах лакского языка, как и в самом литературном языке ауслатные, классные показатели сохранились лишь в весьма ограниченном количестве слов» (Меджидова, 2007: 63).

В багвалинском языке локализация IN «постепенно вытесняется локализацией INTER (внутри полого пространства); в ряде случаев основы, для которых естественно ожидать использования локализации IN (основы существительных со значением вместилища), используют локализацию INTER» (Даниэль, 2001:142). В ахвахском языке инэссив оформляется формантом *-р*, в багвалинском – формантами *-и*, *-а*, в картинском – *-и*, в чамалинском и тиндинском языках показатель инэссива *-о*, в табасаранском и агульском *-ъ*. Во всех диалектах рутульского языка инэссив совмещенный с инлативом оформляется моновокалическими формантами *-а*, *-аI*, *-е*, *-и*: *лакъ-а* «в сундуке, в сундук», *бедрид-и* «в ведре, в ведро» и т.д.» (Ибрагимова, 2019: 52).

Локализация INTER реализует семантику расположения как внутри сплошного пространства, так и среди множества предметов или людей. Распределение локализаций IN и INTER обусловлено физическими свойствами ориентира. «Проблема заключается в том, что даже при поверхностном взгляде на распределение показателей в каждой паре становится очевидным, что традиционные способы описания не позволяют адекватно охарактеризовать семантику локализаций» (Ганенков, 2005: 6).

Локализация INTER оформляется в аварском языке формантом *-лI*: *ракъу-лI* «в земле», *гӀуру-лI* «в реке», *ххурдузу-лI* «среди трав»; в табасаранском языке формантом *-к*: *нису-к* «в сыре», *жуку-к* «в супе», *дяхни-к* «в пшенице», *хъюйи-к* «в муке», *дюгънейи-к* «в водоеме, в бассейне» и т.д.; в агульском – формантом *-гI*: *ракъу-гI* «в супе», *хера-гI* «в воде», *некки-гI* «в молоке», *ругу-гI* «в земле», *къуму-гI* «в песке», *ниса-гI* «в сыре», *хура-гI* «в муке». З.К. Тарланов (2013: 113–114) называет интерэссив «diffusivus (местный восьмой)» и выделяет еще локализации: в сплошном массиве (*дара-гI* «в лесу»),

среди, между кем-л., чем-л. (*китабару-гI* «среди книг», *хулари-гI* «среди домов», *хуIналри-гI* «среди овец»).

Локализация AD, реализующая семантику расположения «у», «около», «вблизи» ориентира, представлена почти во всех дагестанских языках. «В табасаранском языке данная семантика передается адэссивом с формантами *-хь* и *-гь*. Адэссив в табасаранском языке может выражать семантику локализации объекта не только вблизи ориентира, но и перед ориентиром: *унари-гь* \\\ *унари-хь* «у ворот», «перед воротами»; *рягъни-гь* \\\ *рягъни-хь* «возле мельницы», «перед мельницей»; *халайи-хь* \\\ *халайи-гь* «у тети» и т.д.» (Меджидова, 2007: 45).

В андийском языке локализация AD реализуется двумя формантами: *-ха* и *-чу*. Формант *-ха* в собственно андийском говоре используется для выражения семантики пребывания у (разумного) лица, например: *баба-ха* «у мамы», *илу-ха* «у матери», *дада-ха* «у папы», *иму-ха* «у отца», *илаймал-ха* «у родителей», *гьомолода-ха* «у друзей», *тушманада-ха* «у врагов» и т.д. Формант *-чу*, выражает локализацию вблизи, возле ориентира (Церцвадзе, 1965: 340): *гьон-чу* «у села», *льен-чу* «у реки», *гьакъу-чу* «возле дома», *хур-чу* «возле сада» и т.д. В других говорах андийского языка для выражения семантики пребывания у (разумного) лица используется формант *-чу*, например: *иму-чу* «у отца», *илу-чу* «у матери» и т.д.

В аварском языке локализация AD реализуется формантом *-хь*, как для выражения семантики нахождения вблизи, возле ориентира: *гьуру-хь* «у реки», *коло-хь* «у хутора», *хлори-хь* «у пруда», так и для выражения семантики пребывания у (разумного) лица: *ваццассу-хь* «у брата», *инссу-хь* «у отца», *глагарльу-хь* «у родственников». В годоберинском языке локализация AD реализуется формантами *-ха* (пребывание у (разумного) лица): *ваццу-ха* «у брата»; *-хьи* (нахождения возле ориентира): *льльинсса-ха* «у реки»; *руши-хьи* «возле дерева», *гьинццу-хьи* «возле двери». В чамалинском языке адэссив также представлен двумя формантами *-х* и *-хь*. «Различие в значении этих серий не совсем ясно, но кажется, что

серия с *хь* означает нахождение в непосредственной близости у чего-нибудь, а серия с *х* – нахождение около чего-нибудь» (Бокарев, 1949: 51): *-хе*: *дй вута ида имхе* «я сижу возле отца»; *-хь*: *дѣ бихѣ дибда Чатв вогъухъ* «я привязал свою лошадь к дереву». В тиндинском языке: адэссив представлен формантами *-ха* и *-хъа*: *мисухъа* \\\ *мисуха* «у дома», *ваццухъа* \\\ «у брата». М.Е. Алексеев, основываясь на различиях в собственно локативных употреблениях данных показателей и на некоторых типологических параллелях в других дагестанских языках, приходит к закономерному выводу: «исконно показатели *-хьи* и *-ха* обозначали соответственно местонахождение за чем-либо и перед чем-либо. На общеандийском уровне, видимо, эти значения практически не противопоставлялись друг другу. Что касается локализаций «за» ориентиром и «перед» ориентиром, то их противопоставление носит чисто субъективный характер, и даже в одном и том же языке, с точки зрения одного и того же наблюдателя, в зависимости от его позиции, актуальной может быть как локализация «за» ориентиром, так и локализация «перед» ориентиром» (Алексеев, 1988: 85).

Падежная терминология в дагестановедении также нуждается в упорядочении. Падеж, выражающий семантику покоя (отсутствия движения), является во всех дагестанских языках начальной формой всех пространственных падежей. Исключение составляет даргинский язык, в котором начальной формой считается направительный падеж. От начальной формы посредством присоединения различных суффиксов образуются все остальные пространственные падежи. Падеж, выражающий семантику покоя в разных дагестанских языках имеет разные названия: локатив, эссив, падеж покоя или падеж на определенный формант, например: авар. – падеж на *-да*; таб., агул. – падеж на *-к*; лак. – падеж на *-й* и т.д. Название «падеж покоя» – это описательное название и не совсем подходит для функции термина. Название «локатив» также представляется неудачным, поскольку в принципе все эти падежи являются лока-

тивами. Наиболее подходящим для номинации данного падежа нам представляется термин 'эссив'. В сочетании с названием локализации этот термин репрезентирует точную пространственную характеристику падежа: суперэссив, субэссив, апудэссив, адэссив, инэссив, интерэссив и контэссив. Все эти термины «указывают на определенную область пространства по отношению к некоторому *ориентир*у... В комбинации с граммемами пространственных падежей граммамы локализации уточняют взаимную конфигурацию ориентира и некоторого (движущего или покоящегося) объекта» (Плунгян, 2003: 175).

Все падежи, выражающие двигательные значения, образуются на базе соответствующих эссивов. Падеж, выражающий приближение к ориентире, в дагестанских языках имеет также разные названия. Из всего многообразия названий наиболее адекватным нам представляется термин латив. Суперлатив выражает семантику локализации на поверхности ориентира, адлатив – приближение к боковой части ориентира; сублатив – движение объекта под ориентир, интерлатив обозначает движение объекта вовнутрь ориентира, представляющего собой сплошное пространство, инлатив – движение объекта во внутрь ориентира, представляющего собой полое пространство.

Падеж, выражающий семантику удаления от ориентира, также имеет в разных языках разные названия. Более подходящим для данной ориентации нам представляется термин элатив. Суперэлатив выражает семантику удаления от поверхности ориентира, адэлатив – удаление от боковой части ориентира; субэлатив – удаление из-под ориентира, интерэлатив – удаление изнутри сплошного пространства, инэлатив – удаление изнутри полого пространства. Во всех дагестанских языках элативные падежи активно используются для выражения непространственной семантики. Однако «степень развития системы нелокативных употреблений различна. Она находится в обратной зависимости от степени стройности, разложимости, неидиоматичности

и им подобных значений пространственных форм; большое количество нелокативных употреблений свидетельствует о разрушении системы пространственного склонения (хингалугский, будухский, чамалинский и нек. др.» (Тестелец, 1981: 78–79). Причиной разрушения системы локативных падежей керенского диалекта агульского языка, по мнению Н. Д. Сулейманова, стали фонетические изменения, которые привели к слиянию падежных форм и локализаций (Сулейманов, 1979: 104).

Системы пространственных падежей дагестанских языков находятся в процессе разрушения, который в разной степени охватил разные языки. Элативные и лативные падежи во всех дагестанских языках выявляют тенденцию к утрате пространственной семантики. В лезгинском языке адэлатив (директив – по терминологии автора) «сейчас практически выражает средство или способ, особенно у абстрактных существительных» (Haspelmath, 1993: 90). В табасаранском языке Б. Г.-К. Ханмагомедов также отмечает тенденцию «постепенного сужения сфер употребления лативов, которые вытесняются эссивами» (Ханмагомедов, 1958: 14). Функции эссивов и лативов совпадают в рутульском и хингалугском языках, в хайдакском и чирагском диалектах даргинского языка, в керенском и буркиханском диалектах агульского языка, в годоберинском, багвалинском и тиндинском языках андийской подгруппы.

4. Заключение

Во всех дагестанских языках субстанциональное пространство представлено четко структурированными системами локализации и ориентации. Количество локализаций колеблется от восьми (агульский, андийский, чамалинский и цезский языки) до четырех (цахурский и ботлихский языки). Локализации SUPER, SUB, IN, INTER, AD можно назвать универсальными, поскольку они представлены во всех дагестанских языках. Преимущественно на территории Южного Дагестана в лезгинских языках представлена локализация POST. В Центральном Дагестане эта локализация

имеется в трех диалектах даргинского языка (ицаринском, кубачинском и чирагском) и в двух диалектах лакского языка (вихлинском и аштикулинском). В большинстве андийских языков, в табасаранском, рутульском, арчинском и в двух цезских (в дидойском и хвашином) языках имеется локализация CONT, реализующая семантику «на боковой стороне» ориентира.

Локализации CONT, AD, APUD, ANTE и POST выражают близкие по семантике локализации, которые в зависимости от ракурса говорящего и от этнической специфики восприятия пространства по-разному актуализируются. Локализацию, которую носители лезгинских языков воспринимают как боковую поверхность (CONT), носители аварского языка воспринимают как вертикальную поверхность (SUPER). Локализации APUD, ANTE и POST также могут выражать одну и ту же область пространства, так, в аварском языке форма адэссива *кIалтIухъ* (–хъ – формант локализации AD) может означать как «у порога», так и «за порогом» (с ракурса находящегося в доме) и «перед порогом» (с ракурса находящегося вне дома). Кроме ракурса говорящего на восприятие пространства оказывает влияние также этническая специфика восприятия мира, в данном случае – пространства. Это касается не только дагестанских языков. Так, локализация ANTE в русской языковой культуре соответствует локализации APUD в немецкой языковой культуре: семантика «перед домом» в немецком языке актуализируется как *neben dem Haus* «рядом с домом».

Семантика пространственной локализации, остающаяся за пределами перечисленных выше локализаций, ак-

туализируется в дагестанских языках на синтаксическом уровне – посредством послеложных конструкций. Локативные выявляют тенденцию выражать преимущественно абстрактные отношения, для выражения пространственной семантики предпочтение отдается послеложным конструкциям. Некогда стройные системы пространственных падежей дагестанских языков на данном этапе переживают процесс разрушения. Особенно это касается системы ориентации, выражающей семантику приближения или удаления от ориентира.

Как видим, семантическое пространство именной локализации в дагестанских языках четко структурировано. Разные языки обладают разным набором локализаций и ориентаций. Но принципы и модели структурирования пространства остаются общими для всех дагестанских языков.

Сокращения:

авар. – аварский язык
агул. – агульский язык
анд. – андийский язык
ахвах. – ахвахский язык
дарг. – даргинский язык
карат. – каратинский язык
лак. – лакский язык
лезг. – лезгинский язык
таб. – табасаранский язык
чам. – чамалинский язык
хайд. – хайдакский диалект даргинского языка

Вклад авторов

Маллаева З. М. – основная идея, написание текста статьи. Ханбалаева С. Н. – сбор и обработка языкового материала.

Список литературы/ References

Абдуллаев А. К. *Категория падежа в дидойском (цезском) языке*: дисс ... канд. филол. наук: 10.02. 02. Махачкала, 2011. [Abdullaev, Arsen K. 2021. *Kategorija padezha v didojskom (cezskom) jazyke: dissertacija ... kandidata filologičeskikh nauk*: (The category of case in the Dido (Tsez) language: Dissertation ... Candidate of Philological Sciences). 10.02.02. Mahachkala].

Азаев Х. Г. *Ботлихский язык. Языки Дагестана*. Махачкала – Москва, 2000. 346–360. [Azaev, Khalil G. 2000. *Botlihsjij jazyk. (The Botlikh language). Jazyki Dagestana*. Makhachkala – Moscow. 346–360.].

Алексеев М.Е. *Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис.* М. 1985. 158. [Aleksseev, Mihail E. 1985. *Voprosy sravnitel'no-istoricheskoy grammatiki lezginских jazykov. Morfologija. Sintaksis.* (Issues of comparative-historical grammar of the Lezgin languages. Morphology. Syntax). Moscow. 158].

Алексеев М.Е. *Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков.* М., 1988. 223 [Aleksseev, Mihail E. 1988. *Sravnitel'no-istoricheskaya morfologiya avaro-andijskih jazykov.* (Comparative-historical morphology of the Avar-Andic languages). Moscow. 223].

Бокарев А.А. *Очерк грамматики чамалинского языка.* М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 176 [Bokarev, Anatolii A. 1949. *Ocherk grammatiki chamalinskogo jazyka.* (Sketch of the Chamalin language grammar). M.-L. Izd-vo AN SSSR. 176].

Бокарев Е.А. *Цезские (дидойские) языки Дагестана.* М.: Изд-во АН СССР, 1959. 291 [Bokarev, Evgenii A. 1959. *Cezskie (didojskie) jazyki Dagestana.* (The Tsez (Didoyian) languages of Dagestan). Moscow. 291].

Бокарев Е.А. Локативные и нелокативные значения местных падежей в дагестанских языках. *Язык и мышление.* Т. XI. М. 1948. 56–67. [Bokarev, Evgenii A. 1948. Lokativnye i nelokativnye znachenija mestnyh padezhej v dagestanskih jazykah. (Local and non-localized meanings of Locative Cases in Dagestani languages). *Jazyk i myshlenie.* Т. XI. Moscow. 56–67].

Ганенков Д.С. *Контактные локализации в нахско-дагестанских языках и их типологические параллели.* Дисс... канд. филол. наук. М., 2005. Рукопись. 278. [Ganekov, Dmitrii S. 2005. *Kontaktnye lokalizacii v nahsko-dagestanskih jazykah i ih tipologicheskie paralleli.* Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk. M. Rukopis'. (Contact localizations in the Nakh-Dagestani languages and their typological parallels). D. thesis for the Ph.D. degree in Philology. Manuscript. Moscow. 278].

Ганенков Д.С., Мерданова С.Р. *Семантика пространственных форм существительных в агульском языке.* Плунгян В.А. (ред.). *Исследования по теории грамматики.* Вып. 2: *Грамматикализация пространственных значений в языках мира.* М.: Русские словари, 2002. С. 127–149. [Ganekov, Dmitrii S., Solmaz R. Merdanova. 2002. *Semantika prostranstvennyh form sushhestvitel'nyh v agul'skom jazyke.* Plungjan V.A. (red.). *Issledovanija po teorii grammatiki.* Vyp. 2: *Grammatikalizacija prostranstvennyh znachenij v jazykah mira.* М.: Russkie slovari. 127–149. (Semantics of spatial forms of nouns in the Agulian language. Plungian V.A. (ed.). *Studies in the theory of grammar.* Issue. 2: *Grammaticalization of Spatial Meanings in the World Languages.* Moscow: Russkie slovari. 127–149].

Даниэль М.А. *Падеж и локализация.* А.Е. Кибрик (ред.-сост.). *Багвалинский язык: Грамматика. Тексты. Словари.* М: Наследие, 2001. 203–230. [Danijel' Mihail A. 2001. *Padezh i lokalizacija.* А.Е. Kibrik (red.-sost.). *Bagvalinskij jazyk (Case and localization. The Baghvali language).* *Grammatika. Teksty. Slovari.* Moscow: Nasledie. 203–230].

Жирков Л.И. *Грамматика даргинского языка.* М.: Издательство Академии наук СССР, 1926. 103 [Zhirkov, Lev I. 1926. *Grammatika darginского jazyka.* (Grammar of the Dargin language). Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 103].

Жирков Л.И. *Грамматика лезгинского языка.* М.: Издательство Академии наук СССР, 1941. 132 [Zhirkov, Lev I. 1941. *Grammatika lezginского jazyka.* (Grammar of the Lezgi language). Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 132].

Жирков Л.И. *Грамматика аварского языка.* М.: Издательство Академии наук СССР, 1924. 179 [Zhirkov Lev I. 1924. *Grammatika avarского jazyka.* (Grammar of the Avar language). Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 179].

Жирков Л.И. *Лакский язык. Фонетика и морфология.* М.: Издательство Академии наук СССР. 1955. 160 [Zhirkov, Lev I. 1955. *Lakский jazyk. Fonetika i morfologija.* (The Lak language. Phonetics and Morphology). Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 160].

Жирков Л.И. *Табасаранский язык.* М.: Издательство Академии наук СССР, 1948. 163 [Zhirkov, Lev I. 1948. *Tabasаранский jazyk.* (The Tabasaran language). Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 163].

Ибрагимова М.О. *Категория падежа и морфология склонения в рутульском языке: диалектная стратификация.* Махачкала, 2019. 222 [Ibragimova, Mariza O. 2019. *Kategorija padezha i morfologija*

sklonenija v rutul'skom jazyke: dialektnaja stratifikacija. (The category of case and morphology of declension in the Rutul language: dialectal stratification). Makhachkala. 222].

Кибрик А. Е. *К типологии пространственных значений (на материале надежных систем дагестанских языков).* *Язык и человек.* М.: Издательство МГУ, 1970. 110–156. [Kibrik, Alexander E. 1970. *K tipologii prostranstvennyh znachenij (na materiale padezhnyh sistem dagestanskih jazykov).* (To the typology of spatial meanings (on the material of the case systems of the Dagestani languages). *Jazyk i chelovek.* Moscow: Izdatel'stvo MGU. 110–156].

Кибрик А. Е. Опыт структурного описания арчинского языка. Т. II. *Таксономическая грамматика.* М.: Изд-во МГУ, 1977. 362 [Kibrik, Alexander E. 1977. *Opyt strukturnogo opisaniya archinskogo jazyka.* (The experience of structural description of the Archaic language). Т. II. *Taksonomicheskaja grammatika.* Moscow. Izd-vo.MGU. 362].

Кибрик А. Е. *Именное словоизменение в дагестанских языках с типологическими параллелями. Константы и переменные языка.* Санкт-Петербург, Алетейя. 2005. 196–269. [Kibrik, Alexander E. 2005. *Imennoe slovoizmenenie v dagestanskih jazykah s tipologicheskimi paralleljami. Konstanty i peremennye jazyka.* (Noun word-formation in the Dagestani languages with typological parallels. Constants and language variables). Saint-Petersburg, Aleteja. 196–269].

Магомедбекова З. М. *Локативные падежи в аварско-индийских языках. Падежный состав и система склонения в кавказских языках.* Махачкала, 1987. 86–92. [Magomedbekova, Zagidat M. 1987. *Lokativnye padezhi v avarsko-andijskih jazykah. Padezhnyj sostav i sistema sklonenija v kavkazskih jazykah.* (Local cases in Avar-Andic languages. Case structure and declension system in the Caucasian languages). Makhachkala. 86–92].

Магомедбекова З. М. О функциональных особенностях локативных серий на «l'» и «b» в аварском языке. *ЕИКЯ.* Тбилиси, 1986. Т. XII. 161–169 [Magomedbekova, Zagidat M. 1986. *O funkcionnal'nyh osobennostjah lokativnyh serij na «l'» i «b» v avarskom jazyke.* (About functional peculiarities of locative series in “l” and “b” in Avar language). *EIKJa.* Tbilisi. Т. XII. 161–169].

Магомедбекова З. М. Об одной серии местных падежей в аварском языке. *ИКЯ.* Тбилиси, 1956. VIII. 235–242. [Magomedbekova, Zagidat M. 1956. *Ob odnoj serii mestnyh padezhej v avarskom jazyke.* (About one series of local cases in Avar language). *IKJa.* Tbilisi. VIII. 235–242].

Магомедова П. Т. *Багвалинский язык. Языки Дагестана.* Махачкала-Москва, 2000. 319–331. [Magomedova, Patimat T. 2000. *Bagvalinskij jazyk (The Bagvalin language).* *Jazyki Dagestana.* Makhachkala-Moscow. 319–331].

Магомедова П. Т. *Тиндинский язык.* Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2012. 303. [Magomedova, Patimat T. 2012. *Tindinskij jazyk.* (The Tindi language). Makhachkala: IJaLI DNC RAN, 303].

Маллаева З. М. *Система временных и пространственных отношений в аварском языке:* Автореф. ... канд. дис. Тбилиси, 1989. 19 [Mallaeva, Zulaihat M. 1989. *Sistema vremennyh i prostranstvennyh otnoshenij v avarskom jazyke.* (The system of temporal and spatial relations in the Avar language). Avtoref. ... kand. dis. Tbilisi. 19].

Маллаева З. М. *Глагольная морфология аваро-индийских языков.* Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2015. 436 [Mallaeva, Zulaihat M. 2015. *Glagol'naja morfologija avaro-andijskih jazykov.* (Verbal morphology of the Avar-Andic languages). Makhachkala: IJaLI DNC RAN, ALEF, 436].

Меджидова М. К. *Категории локализации и ориентации в дагестанских языках:* специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание: дисс... кандидат. филол. наук. Махачкала, 2007. 147 [Medzhidova M. K. *Kategorii lokalizacii i orientacii v dagestanskih jazykah:* special'nost' 10.02.20 – Sravnitel'no-istoricheskoe, tipologicheskoe i сопоставitel'noe yazykoznanie: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk. (Categories of localization and orientation in Dagestani languages: specialty 10.02.20 – Comparative-historical, typological and comparative linguistics: dissertation for the degree of candidate of philological sciences. 147)].

Мусаев М.-С. М. *Падежный состав даргинского языка (история местных падежей).* Махачкала, 1984. 115 [Musaev, Magomed -Said M. 1984. *Padezhnyj sostav dargin'skogo jazyka (istorija mestnyh padezhej).* (The Case structure of the Dargic language (History of local cases). Makhachkala. 115].

Плунгян В.А. *Общая морфология: Введение в проблематику*: Учебное пособие. Изд.2-е, исправленное. М.: Едиториал УРСС, 2003. 384 [Plungjan, Vladimir A. 2003. *Obshhaja morfologija: Vvedenie v problematiku*. (General Morphology: Introduction to the problematics).Uchebnoe posobie. Izd. 2-e, ispravlennoe. Moscow: Editorial URSS. 384].

Салимов Х. С. *Гагатлинский говор андийского языка*. Махачкала, 2010. 420 [Salimov, Khamit S. 2010. *Gagatlinskij govor andijskogo jazyka*. (Gagatli dialect of the Andean language). Makhachkala. 420].

Сулейманов Н. Д. *Склонение имен существительных в керенском диалекте агульского языка. Именное склонение в дагестанских языках*. Махачкала, 1979. 96–98. [Sulejmanov, Nadir D. 1979. *Sklonenie imen sushhestvitel'nyh v kerenskom dialekte agul'skogo jazyka. Imennoe sklonenie v dagestanskijh jazykah*. (Declension of nouns in the Kerensky dialect of the Agulsky language. Noun Declension in the Dagestani languages). Makhachkala. 96–98].

Тарланов З. К. *Проблемы общей грамматики и грамматики агульского языка*. Махачкала. 2013. 392 [Tarlanov, Zamir K. 2013 *Problemy obshchej grammatiki i grammatiki agul'skogo yazyka*. (Problems of General Grammar and Grammar of the Agul language). Makhachkala. 2013. 392].

Темирбулатова С.М. *Система пространственных падежей в хайдакском диалекте даргинского языка. Выражение пространственных отношений в языках Дагестана*. Махачкала, 1990. 75–86. [Temirbulatova, Sapijathanum M. 1990. *Sistema prostranstvennyh padezhej v hajdakskom dialekte darginskogo jazyka. Vyrazhenie prostranstvennyh otnoshenij v jazykah Dagestana*. Mahachkala. (The system of spatial cases in the Khaidak dialect of the Dargin language. Expression of spatial relations in the languages of Dagestan). Makhachkala].

Тестелец Я. Г. *Введение в общий синтаксис*. М.: ПГГУ. 2001. 800 [Testelec, Jakov G. 2010. *Vvedenie v obshhij sintaksis*. (Introduction into General Syntax). Vvedenie v obshhij sintaksis. Moscow.RGGU. 800].

Тестелец Я. Г. О нелокативных значениях форм пространственного склонения в дагестанских языках. Падежный состав и система склонения в иберийско-кавказских языках: *IX региональная научная сессия по изучению системы и истории иберийско-кавказских яз. Тез. докл.* Махачкала, 1981. 77–79. [Testelec, Jakov G. 1981. O nelokativnyh znachenijah form prostranstvennogo sklonenija v dagestanskijh jazykah. Padezhnyj sostav i sistema sklonenija v iberijsko-kavkazskijh jazykah. (On the non-locative meanings of spatial declension forms in the Dagestan languages. Case structure and declension system in the Iberian-Caucasian languages). *IX regional'naja nauchnaja sessija po izucheniju sistemy i istorii iberijsko-kavkazskijh jaz. Tез. dokl.* Makhachkala. 77–79].

Тестелец Я. Г. Именные локативные формы в дагестанских языках. М. Рукопись. <http://otipl.philol.msu.ru/~kibrik/content/pdf/Testeleets.pdf> (дата обращения: 18.01.2023). [Testelec Jakov G. Imennye lokativnye formy v dagestanskijh jazykah. (Nominative local forms in the Dagestani languages). <http://otipl.philol.msu.ru/~kibrik/content/pdf/Testeleets.pdf> (accessed 18 February 2023). Moscow. Rukopis'].

Услар П. К. *Этнография Кавказа. Языкознание*. Т. V.: Хюркилинский язык. Тифлис, 1892. 497 [Uslar, Petr K. 1892. *Jetnografija Kavkaza. Jazykoznanie*. Hjurkilinskij jazyk. (Ethnography of the Caucasus. Linguistics. The Khurkili language). T. V. Tiflis. 497].

Услар П. К. *Этнография Кавказа. Языкознание*. Т. VI.: Кюринский язык. Тифлис, 1896. 639 [Uslar, Petr K. 1896. *Jetnografija Kavkaza. Jazykoznanie*. Kjurinskij jazyk. (Ethnography of Caucasus. Linguistics. The Kürin language). T. VI. Tiflis. 639].

Услар П. К. *Этнография Кавказа. Языкознание*. Т. VII.: Табасаранский язык. Тбилиси, 1979. 1072 [Uslar, Petr K. 1979. *Jetnografija Kavkaza. Jazykoznanie*. Tabasaranskij jazyk. (Ethnography of the Caucasus. Linguistics. The Tabasaran language). T. VII. Tbilisi. 1072].

Услар П. К. *Этнография Кавказа. Языкознание*. Т. IV: Лакский язык. Тифлис, 1890. 473 [Uslar, Petr K. 1890. *Jetnografija Kavkaza. Jazykoznanie*. (The Ethnography of Caucasus. Linguistics. The Lak language). T. IV. Laksij jazyk. Tiflis. 473].

Услар П. К. *Этнография Кавказа. Языкознание*. Т. IX: Аварский язык. Тифлис, 1889. 558 [Uslar, Petr K. 1889. *Jetnografija Kavkaza. Jazykoznanie*. (The Ethnography of Caucasus. Linguistics. The Avar language). T. IX. Tiflis. 558].

Ханмагомедов Б.Г. *Система местных падежей в табасаранском языке*. Махачкала: Дагучпедгиз, 1958. 45 [Khanmagomedov, Beidullah G. 1958. *Sistema mestnyh padezhej v tabasaranskom jazyke*. (The system of local cases in The Tabasaran language). Makhachkala. Daguchpedgiz. 45].

Церцвадзе И.И. *Андийский язык*. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1965. 391 [Cercvadze, I'ya I. 1965 *Andijskij jazyk*. (The Andi language). Tbilisi: Izd-vo AN GSSR. 391. (In Georg.)].

Berg Helma van den. 2001. Dargi Folktales. Oral Stories from the Caucasus and an Introduction to Dargi Grammar. Leiden. 324.

Berg Helma van den. 2003. Das darginische Localsystem: in synchronischer und diachronischer Überblick. *Kaukasische Sprachprobleme*. Oldenburg. 59–74.

Comrie Bernard; Maria Polinsky. 1998. The great Dagestanian case hoax. Siewierska A., Jae Jung Song (eds.): *Case, Typology and Grammar: In Honor of Barry J. Blake* (Typological Studies in Language 38), Amsterdam.

Friedman Victor A. 1992. Lak substantive declension: 40 cases or 50? Aronson H. I. (ed.) *The Non-Slavic languages of the USSR*. Linguistic Studies. Second Series. Chicago.

Haspelmath Martin A. 1993. *Grammar of Lezghian*. Berlin – N.-Y., 588.